

ЭММА РУДКЕВИЧ

РАЗВОД С КАПИТАНОМ.
ТЕПЕРЬ МЕНЯ ЗАЩИЩАЕТ
СПЕЦНАЗОВЕЦ!

Эмма Рудкевич

**Развод с капитаном. Теперь
меня защищает спецназовец!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с капитаном. Теперь меня защищает спецназовец! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я принесла мужу горячий обед и услышала, как он обсуждает с любовницей моё увольнение из собственной жизни.— Жена — это должность, Алёна. Скоро её освободим. Твой отец сделает меня майором! Руслан променял пять лет брака на обещание новых погон. А мой отец, генерал Градов, потребовал извиниться перед предателем ради чести семьи. Теперь весь гарнизон считает виноватой именно меня. Только суровый майор спецназа Захар Одинцов однажды молча поставил передо мной тарелку борща. А потом помог обнаружить документы, способные уничтожить карьеру Руслана. Но могу ли я довериться мужчине, который тоже скрывает правду? И хватит ли смелости начать жизнь без чужих приказов?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эмма Рудкевич

Развод с капитаном. Теперь меня защищает спецназовец!

Глава 1

Термос был тяжелым, неудобным и чертовски горячим. Я прижимала его к груди обеими руками, чувствуя, как сквозь ткань летнего платья проступает тепло борща, который я варила три часа. Из-под крышки пахло укропом. Сметану я несла отдельно: Руслан терпеть не мог, когда она сворачивалась в супе, и любил похвастаться перед сослуживцами, как хорошо я знаю его вкусы. «У меня идеальная жена», — говорил он, обнимая меня за плечи в коридоре штаба. Идеальная. Тихая. Удобная.

Я остановилась перед дверью кабинета капитана Гаврилова. Секретарша Нина, женщина с вечно недовольным лицом и бигуди под платком, даже не подняла глаз от монитора.

— Капитан занят, Алёна Сергеевна. Совещание.

— Это обед, Нина, — улыбнулась я, стараясь говорить мягко, но уверенно. — Руслан просил передать. Он сам звонил утром, сказал, что пропустит обед в столовой из-за срочных дел.

Нина фыркнула, поправляя очки.

— Срочные дела у него теперь называются иначе. Проходите, если уж вам так приспичило. Но не говорите потом, что я вас не предупредила.

Нина проводила меня взглядом до самого поворота. Раньше я бы остановилась и спросила, что ей опять не нравится. Сейчас торопилась: Руслан сам просил обед, я несла его с другого конца гарнизона. Папа ещё в детстве учил меня не сутулиться перед чужой дверью. «Градова — стой прямо». Поправила лямку сумки плечом. В ней лежали сметана и салфетки; рукой до лямки было не дотянуться.

Коридор тянулся бесконечной лентой бледно-зеленого линолеума. Под каблуками туфель скрипело. Из кабинета донёсся женский смех. Поставив термос у стены, я стянула скрипучие туфли и оставила их рядом; потом снова подняла обед обеими руками. Холодный линолеум липнул к ступням. Не хотелось, чтобы Руслан услышал меня раньше, чем я разберу, кто у него.

Дверь оставили приоткрытой. Из щели доносился голос Руслана. Я знала, как он звучит спросонья, как — в телефоне, когда рядом командир. Этот был почти домашний: ленивый, довольный. Так муж обычно спрашивал, что у нас на ужин. Поставила термос на ладонь удобнее. Из кабинета опять коротко рассмеялись.

— Жена — это должность, Инга, — сказал он. Не «моя любовь», не «моя половина». Должность. Функция. Ресурс.

Я остановилась, прижавшись щекой к косяку. Воздух перехватило. Горло свело судорогой, будто я глотнула кипятка.

— Скоро твой папа подпишет мне майора, — продолжил Руслан, и в его тоне появилась нотка азарта, хищного предвкушения. — А должность я поменяю. Текущую сотрудницу уволим. Без компенсации. Она слишком... привыкла к тишине.

Второй голос, женский, хриплый от смеха, раздался следом. Инга. Дочь полковника кадровой службы. Та самая Инга, с которой Руслан якобы просто «дружил семьями».

— Ох, Руслан, ты такой циник, — мурлыкала она. — Может, уже оформим приказ? Чтобы эта бедняжка не мешала нам ужинать. У нас же сегодня вечеринка в честь повышения. Ты ведь не забыл?

— Как я могу забыть? — ответил муж. Звук шуршания бумаги. — Она тут ни при чем. Просто бизнес.

Мои пальцы ослабли. Термос выскользнул из рук.

Звук удара металла о линолеум разнесся по коридору, как выстрел. Крышка отскочила. Борщ расплескался вокруг термоса; я отступила, но горячие брызги всё равно попали на ступни. Три часа у плиты. Его звонок: «Принеси, родная». И вот теперь я стояла в этом обеде.

Толкнула дверь плечом. В первое мгновение всё осталось знакомым: его стол, блокнот с отогнутым углом, ручка, которую я подарила на годовщину. Только на краю стола сидела Инга. Я раньше приносила обед к стулу напротив — он туда даже сумку не разрешал ставить. А Инга спокойно болтала ногой и приглаживала волосы. Ноги у меня были мокрые. Постояла на пороге, не понимая, куда теперь поставить себя.

Руслан посмотрел сначала на мои ноги, потом на дверь. Потянулся к салфетке и провёл по губам. Я знала этот жест: так он начинал разговор с человеком, который мешал ему работать.

— Алёна, — сказал он. — Ты опоздала. Обед должен был быть час назад. Теперь он остыл.

Я посмотрела на красную каплю у щиколотки. Она ещё обжигала. Он это видел.

Во рту пересохло. Всё, что хотелось сказать, начиналось одинаково: «Ты как мог?» Я попробовала вдохнуть, но вышел короткий хрип. Руслан перевёл взгляд на Ингу. Ждал, что я закричу и они вдвоём начнут меня успокаивать — таким голосом, чтобы слышала Нина. Вчера он уже жаловался сослуживцу, что я стала нервной. Я тогда спросила, не заболел ли он. Вот зачем ему это понадобилось.

Руслан достал из ящика стола папку. Толстую, картонную, с синей надписью. Он выложил перед собой документы, аккуратно расправив углы. Покровительственно, как учитель перед учеником.

— Подпиши сегодня, Алёна, — сказал он, кладя ручку поверх бумаг. — Папа скоро вернётся. Ему будет неприятно узнавать об этом от других. Особенно от моего командира. Давай сделаем это тихо. Цивилизованно. Так лучше для карьеры. Обоих.

Для карьеры. Я ещё держала в голове это слово, пока читала заголовки листов. На одном — согласие на расторжение брака, дальше имущество и претензии. Он напечатал всё заранее, даже мои паспортные данные. Я утром гладила ему рубашку и не заметила папку в сумке. Не заглядывала в его вещи. Всё считала это доверием. Текст расплывался, пришлось моргнуть несколько раз, чтобы увидеть, где оставлено место для подписи.

Инга соскользнула со стола. Платье зацепилось за угол; она раздражённо дёрнула ткань и встала рядом с мужем, положив ладонь ему на плечо.

— Руслан, может, мы уже пойдём? У нас же ужин. А тут... лужица. Нехорошо получилось.

Не на борщ посмотрела — на меня. Выговорила последнее слово медленно, как воспитательница. Руслан её руки со своего плеча не убрал.

Я всё ещё ждала, что он скажет ей хотя бы «хватит». Он подвинул ручку. После этого идти к столу стало проще: хуже, чем сейчас, они уже ничего мне не покажут. Под ступнями поскрипывал паркет. На нём оставались следы; потом уборщица будет спрашивать, кто тут ходил. Я взяла ручку и проверила первый лист. От меня требовали именно согласие, не отказ от квартиры. Дальше читать пока не могла.

Перевернула первый лист и снова вернула лицевой стороной вверх. Руслан тихо выдохнул — уже приготовился подсказать, где расписаться. Но я отвела ручку к полю. На узком белом месте вывела, нажимая так, что бумага продавилась:

«Я запомню».

Второе слово упёрлось в напечатанную строку. Подправлять его не стала. Он привык получать от меня аккуратно заполненные бумаги; эти пусть хранит такими.

И расписалась под согласием на развод. Лист об отказе от имущества отодвинула.

— Это я подписывать не буду.

Руслан скривился, но спорить при Инге не стал.

Копию он мне не предложил. Я оставила подписанное согласие перед ним и запомнила остальные листы: дома надо будет спокойно разобраться, от чего он хотел заставить меня отказаться.

Инга усмехнулась, не понимая сути жеста. Для неё это была просто слабость загнанной жертвы.

Руслан забрал папку. Пробежал глазами по строчке на полях. Его челюсть чуть напряглась, но он быстро справился. Он закрыл папку и кивнул.

— Спасибо за понимание, Алёна, — сказал он, и в его голосе снова слышалась та самая деловая ровность. — Ты всегда была удобной.

Удобной. Он даже не думал смягчить это слово. Пять лет я приносила забытые документы, вставала пораньше ради его завтрака, улыбалась гостям, когда хотелось лечь. Стоило один раз сказать, что устала, — он спрашивал, зачем женился. Теперь я смотрела на него и помнила тот вопрос дословно. В горле ещё болело, но просить передумать уже не хотелось. Пусть сидит за столом со своим новым обедом и новыми перспективами.

— Не стоит благодарности, Руслан, — сказала я тихо. Мой голос не дрожал. Он звучал глухо, как эхо в подземном переходе. — Удобство — товар одноразовый. А я... я начинаю жить заново.

У двери Инга что-то сказала и сама засмеялась. Не разобрала: Руслан уже набирал номер в телефоне. Он первым расскажет, как я пришла босая, разлила борщ, испортила бумаги. Само собой, про разговор с Ингой забудет. Мне бы остаться и заставить его повторить всё при Нине. Не смогла. В коридоре хотелось только найти туфли и не упасть на этот липкий пол. Один разговор я сегодня уже слышала. Для второго нужен был голос.

Нашла туфли у стены. Вытерла ноги салфеткой из сумки, обулась; снаружи солнце ударило в глаза так, что пришлось постоять под козырьком. Телефон показывал «Папа». Я провела пальцем рядом с кнопкой ответа и остановилась. Он спросит, почему я молчу, потом — что случилось. Если скажу про развод, начнёт звонить Руслану. Я знаю, как муж разговаривает с ним: «Сергей Иванович, она всё неправильно поняла». После этого отец потребует, чтобы я успокоилась, и на двух словах из кабинета всё закончится. Надо сперва переписать то, что услышала, пока ещё помню точно.

Выключила звук, но телефон ещё вибрировал в кармане. Туфля натирала мокрую кожу, пришлось остановиться у ограды и поправить ремешок. «Удобная». Я проговорила это слово вслух, проверяя, смогу ли говорить. Смогла. Отец не терпел, когда его водили за нос, — только пока что за нос водили меня. Дома открою тетрадь, запишу дату, Ингу и всё, что было на столе. Папе отвечу после. Сначала перестану трястись.

Развод — это только начало войны.

Глава 2

Людмила Петровна замолчала, как только я вошла. Чашка у неё осталась возле рта. Две другие учительницы уткнулись в расписание, хотя минуту назад из коридора был слышен их смех. До восьми оставалось две минуты. Можно было пройти за журналом и уйти, не здороваясь, но я всё-таки сказала «доброе утро». Ответила только техничка, которая оттирала кафель у двери.

Людмила Петровна, завуч с идеальной укладкой и ядовитым языком, демонстративно отодвинула мою кружку с чаем по столешнице. Керамика заскрежетала по лакированной поверхности, остановившись на другом краю стола, будто моя посуда была заразной.

— Осторожно, Алёна Сергеевна, — протянула она, не поднимая глаз от журнала. — Горячо. А то обожжешься. Не дай бог, потом жалобу напишешь. Мол, коллектив тебя травит. А мы просто... дистанцию держим. Безопасность прежде всего.

Забрала кружку и села с ней на подоконник. У стола все стулья были заняты — на свободном лежала Людмилиная сумка. Я отлично видела, что она заметила меня. Снимать сумку она не стала. Чай уже почти остыл, но ручка ещё грела пальцы. Если держать её двумя руками, дрожь не так заметна. Вчера эти же женщины спрашивали, какой торт я буду печь на офицерский праздник. Сегодня им неловко даже дать мне стул.

На первый урок я замещала заболевшую учительницу математики в девятом «Б». Со своими младшими мне было бы легче, а здесь надо было сначала открыть её поурочный план. Саша Ковалев, сын полковника, сидел на задней парте, развалившись так, будто доска принадлежала ему. Когда я вызвала его решать квадратное уравнение, он даже не поднялся. Только усмехнулся, показывая белые зубы.

— А правда, что Руслан Сергеевич сказал, что ты его терпеть не могла? — громко спросил он, глядя мне прямо в глаза. Класс замер. Тридцать пар глаз уставились на меня, ожидая слез или истерики. — Он говорил, что хотел нормальную жену, а не генеральскую дочку, которая только и умеет, что нос задирать.

В классе кто-то прыснул. Саша оглянулся на этот смешок, явно довольный собой. Я прижала раскрытый учебник к столу. Хотелось выгнать его, немедленно, и закрыться в пустом кабинете. Только он этого и добивался: ушёл бы в коридор рассказывать, как довёл меня.

— К доске, Ковалев.

— А зачем?

— Решать уравнение. Оценку поставлю в журнал. Чужие ошибки тебе считать нравится — давай теперь свои.

Последнюю фразу сказала уже спокойнее. Мел лежал у меня под ладонью; протянула его Саше.

Он хмыкнул, но встал. Я положила мел на край доски и дождалась, пока он подойдёт. Другой мальчишка уже открыл рот — Ковалев шикнул на него. Хотя что-то: у доски ему хотелось тишины не меньше, чем мне. Теперь главное было проверить решение, а не спорить с тем, что он услышал дома.

Перемена стала пыткой. Я вышла на школьное крыльцо, чтобы вдохнуть воздуха, но наткнулась на Ингу. Она шла мимо школы с пакетами из бутика, пахла дешевыми приторными

духами и триумфом. Увидев меня, она остановилась. Поправила причёску, медленно, нарочито.

— Привет, Алёна, — её голос звенел, собирая вокруг любопытных учеников. — Руслан передавал привет. Говорит, ты всё ещё ходишь в том старом пальто? Серое, в пятнах от чая? Он просил передать, что тебе пора обновлять гардероб, если хочешь выглядеть достойно. Ну, ты же понимаешь, статус требует соответствия. А ты... ты выглядишь как женщина, которую бросили. Потому что так и есть.

Я держала дверную ручку, пока Инга говорила. Чуть сильнее нажать — можно уйти, но тогда ребята останутся с ней на крыльце, и она продолжит уже без меня. Дослушала до конца. В руках у неё был пакет из магазина, куда Руслан вечно не хотел меня везти. «Тебе это не нужно». Теперь оказалось, что нужно ей. Я отпустила ручку и прошла по ступеням. Хотелось спросить, как ей носить обновки после того разговора. Не спросила. Она бы ответила с удовольствием.

В столовой было шумно. Я села в дальний угол, спиной к стене. Передо мной лежал пустой поднос. Голод скручивал живот, но аппетита не было. Еда казалась картоном.

Тень упала на стол. Я подняла глаза. Захар Одинцов. Майор спецназа. Высокий, широкий в плечах, с шрамом над бровью, который не портил лицо, а делал его опасным. Он не спрашивал, как я. Не сочувствовал. Он просто поставил передо мной тарелку с горячим борщом и кусок хлеба.

— Вы сегодня бледнее обычного, — тихо сказал он. Его голос был низким бархатом, который вибрировал где-то в груди. — Съешьте. Это приказ командира части к гражданскому персоналу. В целях сохранения боеспособности кадрового состава.

От борща сразу защипало глаза. Вчера я варила такой же, только с другой приправой. Захар стоял и ждал, пока возьму ложку; прогнать его было бы легче, чем начать есть.

— Я не заказывала.

— Зато вы обедать пришли.

— И это проверка безопасности?

— Это суп.

Пришлось спрятать лицо над тарелкой. Ложка задела зубы — руки ещё тряслись. Он сел через стул от меня и отвернулся к раздаче, чтобы не смотреть, как я ем. После второй ложки живот перестало так сводить. Хлеб оказался мягким, свежим.

Зазвонил телефон. Экран светился именем «Папа». Сердце заколотилось быстрее. Отец. Моя крепость. Генерал Градов. Человек, который всегда за меня.

— Алло, пап? — мой голос предательски дрогнул.

Тишина в трубке длилась секунду, две, три. Потом сухой, металлический голос:

— Слышал новости. Гарнизон шумит, Алёна. Это неприемлемо.

— Папа, он изменил! Он...

— Ты должна была держать язык за зубами и семью в порядке, — перебил он холодно. — Развод — это позор для офицерского рода. Дочь генерала не имеет права на публичные скандалы. Извинись перед Русланом. Публично. Скажи, что сама виновата в охлаждении чувств. Что не ценила его карьеру. Иначе я буду вынужден перевести тебя в другую часть. Подальше отсюда. Чтобы не мозолила глаза.

Щелчок. Отбой.

Я нажала вызов ещё раз. Он сбросил. Посмотрела на тарелку: на поверхности осталась тонкая полоска жира, ложка лежала поперёк края. За минуту всё успело остыть. Отцу я всегда

звонила, когда не могла разобраться сама. Он сердился на кого угодно, потом говорил мне, что делать. Сейчас он тоже сказал — извиниться перед Русланом. Даже не спросил, перед кем Руслан должен извиняться. Я положила телефон рядом с хлебом и доела, не различая вкуса. Захар так ничего и не спросил.

Вечером я вернулась домой. На пороге квартиры, в которой прошли последние пять лет, стоял Руслан. Он не зашел внутрь. Ждал. В руках — картонная коробка.

— Там твои книги и косметика, — равнодушно сказал он, глядя на часы на запястье. — Я выбросил остальное. Одежду, постельное белье. Мне нужна была чистота в доме для Инги. Ты же понимаешь, мы теперь разные люди. Твои вещи... они были грязными. Морально.

Косметичка лежала сверху, вывернутая наизнанку: видно, Руслан проверял, не остались ли там его деньги. Под ней — разрезанная фотография с выпускного. Снимок я когда-то отдала напечатать в двух экземплярах. Один для нас, второй для папы. Теперь мой смешливый рот смотрел в пустую половину кадра. Я провела пальцем по срезу. Не порвал в ярости. Сел, взял ножницы, аккуратно вырезал себя — и положил это вместе с моими вещами.

Он вытянул ладонь.

— Ключи.

Мне пришлось переложить коробку на колено, чтобы освободить руку. Раньше отдавала ему связку, если надо было срочно бежать к машине. Он даже слова не произносил — достаточно было раскрытой ладони. Сегодня мне захотелось положить её мимо. Бросила ключи под его ботинки. Один отскочил к стене.

— Мы закончили, Руслан.

Нагибаться он не захотел. Я подождала, пока он сам посмотрит вниз, и ушла с коробкой. Ключ от папиного дома оставался на другой связке в сумке.

До отцовского дома донесла коробку с двумя остановками. У калитки поставила на землю, достала ключ и чуть не уронила его: пальцы не разгибались после тяжести. В прихожей заперла дверь и опустилась прямо на коробку. Из-под меня хрустнул картон. Можно было вставить, расставлять книги, искать чистое платье; я только сняла туфли и несколько минут смотрела на стены. Завтра заберу копию согласия и разберусь с остальными листами. Всё, что он велел подписать, я помню. От имущества не отказалась.

Взяла тетрадь. Начала с «Жена — это должность», ниже написала про Ингу. Слова отца записала тоже, хотя рука после них остановилась. Перечитала, закрыла тетрадь. Пусть никто не рассказывает мне потом, что я опять всё не так поняла.

Глава 3

От солнца пришлось прикрыть глаза ладонью. Марья Ивановна пересчитывала детей у автобуса, а я сверяла список с разрешениями родителей. Все на месте, можно идти к ангару. Со стороны учебных укрытий раздавались смешки. Я подняла голову.

Руслан и Инга позировали перед газетчиками. Он накинул ей на плечи бушлат, придерживал за талию, а фотограф велел стать чуть ближе. Такую фотографию он и со мной делал — за неделю до нашего поданного заявления. Тогда я застёгивала пуговицу на его кителе, чтобы потом не пришлось переделывать снимок.

— Улыбнитесь! Отличная пара!

Руслан улыбнулся. Я убрала список в сумку. Нельзя оставлять детей, я это знала, и всё-таки начала протискиваться через их строй. Один мальчишка отступил, пропуская меня. Второй уже доставал телефон. Мне захотелось отнять этот аппарат и крикнуть в камеру журналиста то, что Руслан сказал у себя в кабинете. Пусть улыбается после этого. Пусть объясняет Инге, почему моя подпись стоит на бумагах, а её рука у него на поясе.

У предплечья сомкнулись пальцы. Дёрнулась и обернулась — Одинцов. Держал крепко, но, когда я потянула руку, сразу ослабил хватку.

— Стоять.

— Не командуй мной.

— Посмотри назад.

Витька наводил телефон на моё лицо. Девочки за его спиной переглядывались. Вчера одна из них спрашивала, почему я не ношу кольцо, — не из любопытства, это я теперь поняла. Они уже приготовились показать дома, как учительница бросилась на бывшего мужа. Я даже не дошла до фотографа, а зрители у меня были.

— Слышишь? — спросил он, не повышая голоса. — Ты сейчас не мстишь им. Ты кормишь этих детей.

Я попыталась всё-таки пройти дальше. Захар встал передо мной, не отпуская предплечья. Можно было обойти его и вырваться. Можно — сразу развернуться к детям. Мне не хватало воздуха ни на то ни на другое.

— Марья Ивановна, группа с вами? — спросил он через моё плечо.

Она кивнула и махнула классу к автобусу.

— Алёна, пойдёмте. На минуту.

Мы дошли до его джипа в тени ангара. Я села на переднее сиденье и упёрлась локтями в колени. От дверцы жарко пахло пластиком. Захар оставил окно опущенным, встал снаружи.

Фотоаппараты всё ещё щёлкали. Им даже не пришлось прерываться, пока меня уводили. Я прикусила губу и почувствовала кровь.

— Почему ты не дал мне... — мой голос сорвался на визг. — Почему ты не позволил им увидеть правду?!

Он молчал. Медленно достал из кармана камуфляжной формы сложенный платок. Белый, почти стерильный на фоне его темных рук. Протянул мне.

— Прикусила губу, — сказал он. Не вопрос. Констатация факта.

Приложила платок к губе. Хотелось бросить его обратно: ещё один мужчина решил, что знает лучше меня. Только Захар пока не рассказывал, какой у меня характер и чем я испортила брак. Ждал у окна. Я взглянула на белый край ткани: красная точка росла.

— Они опять всех обманут, — сказала я. — Он будет на фотографии с ней. Как будто меня не было.

— А на другой фотографии будете вы. С детьми вокруг. Хотите отдать ему обе?

Я открыла рот и закрыла. Платок зажала крепче. У него на пальце остался след моего ногтя — я вцепилась в руку, когда пыталась вырваться. Он заметил мой взгляд и опустил кисть.

— Слёзы, Алёна Сергеевна, либо у себя дома, либо в цель, — произнес он ровно, глядя мне прямо в глаза. — Выбирайте цель. Сейчас ты плачешь в лужу. Грязную, бесполезную лужу, которую никто не увидит, кроме детей, которые решат, что их учительница — сумасшедшая.

«В лужу». Я посмотрела на мокрый от слёз платок и вдруг рассердилась уже на него.

— Красиво говоришь. Мне-то что делать?

— Возвращаться к классу. А про него рассказать тем, кто сможет проверить.

— Папе?

— Вы решайте.

Ответ был неприятно разумным. Мне хотелось, чтобы меня пожалели, а не заставили снова решать. Но водитель школьного автобуса уже повернул к выезду. Марья Ивановна забрала детей, пока я сидела здесь. Экскурсия кончилась раньше, чем началась.

Захар сел за руль. Всю дорогу до школы он молчал, только на повороте попросил пристегнуться. Я пристегнулась. В зеркале увидела свой красный нос и потёкшую тушь. Вытерла платком щёки — кровь уже остановилась. Перед воротами он подождал, пока я спрячу его в сумку. Возвращать испачканным было стыдно, а объяснять, почему беру себе, ещё стыднее.

Когда мы вышли из джипа, класс уже ждал у ворот. Из группы доносилось протяжное «Брось меня, Руслан!» — моим голосом.

Марья Ивановна держала Витьку за плечо. Он изображал мой голос, не замечая, как я подхожу. Увидел — сразу замолчал, но улыбку убрать не успел.

— Телефон в карман, — сказала я.

— Я не снимал.

— Тогда удалить ничего не потребуется.

Он посмотрел на приятеля. Тот отвёл глаза. Я положила экскурсионный список на капот джипа, расправила загнутый угол. Все фамилии были отмечены. Дети целы, никто не потерялся. Вот этим я должна заниматься здесь. А не тем, с кем Руслан улыбается в газету.

— Вы смеетесь, потому что вам кажется, что это шоу, — начала я, чувствуя, как произносить слова всё легче: дети наконец слушали. — Вы думаете, что настоящая жизнь — это когда кто-то кричит, кто-то плачет, а кто-то снимает это на телефон.

Я сделала шаг ближе к ним. Запах пыли, пота и дешевых жвачек ударил в нос. Реальность.

— Настоящая честь, — продолжила я, глядя им в глаза, — это не громкость. Это умение держать удар молча. И умение ждать момента, когда удар наносится точно.

В классе повисла тишина. Даже Витька отвел глаза. Я почувствовала странное удовлетворение. Не месть. Контроль.

Внезапно сбоку послышался звук шагов по гравию. Руслан. Он подошел к воротам школы, всё ещё в том самом бушлате, но уже без Инги. Лицо его было перекошено от досады. Увидев меня живой, целой и, главное, спокойной, он скривился. Явно рассчитывал на другой финал.

— Алёна, — протянул он, входя в зону видимости детей, играя на публику. — Ты боишься смотреть мне в глаза? Или ты прячешься за юбкой этого... охранника?

Он указал подбородком на Захара, который стоял у джипа, прислонившись к капоту. Капитан усмехнулся, ожидая, что я начну оправдываться, что дети снова засмеются, что гарнизон услышит эту сцену.

Захар оттолкнулся от капота. Руслан уже набрал воздух для следующей реплики, но майор встал между нами. Не толкнул его, даже не поднял руку. Мне стало видно только плечо камуфляжной куртки и часть Русланова лица сбоку.

— Капитан, отойдите от детей.

— Мы с женой разговариваем.

— Я с вами не разговариваю, — сказала я из-за плеча Захара. — У меня экскурсия.

Витька перестал ухмыляться. Руслан услышал меня и потянулся заглянуть за майора, но тот не сдвинулся. Несколько секунд они стояли молча. Я подумала, что муж сейчас всё-таки поднимет голос. Он поправил воротник вместо этого.

— Служебное время, капитан, — наконец произнес Захар. Голос был ровным, как скальпель. — Вы мешаете учебному процессу.

Руслан покраснел, потом побледнел. Он хотел сказать что-то едкое, но понял, что любая фраза сейчас будет выглядеть жалкой. Он развернулся, буркнув себе под нос ругательство, и ушел, шаркая подошвами по асфальту.

Я выдохнула и повернулась к классу. Витька прятал телефон в карман.

— Завтра экскурсию продолжим, — сказала я. — Без съёмок одноклассников.

Захар услышал и кивнул: транспорт он даст.

Глава 4

Вечер принёс тишину генеральского дома. Отец всё ещё был в командировке, дом пустовал, гулко отдавая эхо моих шагов. Я сидела на кухне, перед остывшим чаем. Слезы высохли. Осталась только сухая, зудящая ярость и холодный расчет.

Телефон завибрировал на столе. Экран вспыхнул в полумраке. Сообщение от неизвестного номера. Без текста. Только вложение.

Я открыла его. Фото. Плохое освещение, клуб, дымка сигаретного дыма. На снимке Инга. Она сидела на коленях у другого мужчины, молодого, смазливового, с татуировкой на шее. Поцелуй был страстным, бесстыдным. Дата на метаданных — два дня назад. То есть тогда, когда она уже крутила роман с Русланом, позируя для газетчиков.

Ловушка? Подстава?

Я приблизила картинку, изучая детали. Мужчина был незнаком, но его окружение говорило само за себя: дорогие часы, бренд одежды. Инга, дочь полковника кадровой службы, изменяла своему будущему «генералу»? Или использовала обоих?

Платье Инги я видела в штабе. Мужчину — впервые. На снимке она прижималась к нему, как сегодня к Руслану. Мне захотелось немедленно переслать фотографию Руслану, чтобы он тоже хоть раз посмотрел на экран и не знал, куда девать руки.

Открыла поле сообщения. Его имя было среди последних контактов. «Стабильность, говоришь?» Напечатала и стёрла. Фотографию могла прислать сама Инга, могла — любая их знакомая. Я даже не знала, настоящая ли дата. Если отправлю и он потом покажет, что это подделка, окажусь ровно там, где он меня ждёт.

Сохранила снимок. В тетради с планами уроков открыла чистую страницу: место, дата, «мужчина неизвестен». Ниже написала «Проверить». Имя Руслана хотелось обвести несколько раз, но начала с номера отправителя. Ручка оставила кляксу у последней цифры. Пришлось промокнуть салфеткой.

Я вернулась к сообщению. Нажала на номер отправителя. Там не было имени. Только цифры.

Знакомые цифры. Одинцов продиктовал их Марье Ивановне перед выездом на полигон; я тоже записала номер на полях экскурсионного листа. Сверила последние четыре цифры. Совпали.

Я подняла глаза на окно. За стеклом темнела улица, освещенная редкими фонарями. Где-то там, в тени деревьев, могла стоять его машина. Набрала его номер, но сбросила вызов, прежде чем пошли гудки. Сначала надо понять, зачем он прислал это мне, а не комиссии.

На странице появились ещё два слова: «Спросить Одинцова». Ни имени незнакомца, ни объяснения снимка у меня пока не было.

У Тамары Ивановны на столе стояла открытая пудреница. Когда я вошла, она захлопнула её и задвинула за журнал. Посмотрела на мою папку, а не на меня. Я вчера просила ключ от ангара, чтобы провести первое занятие кружка; вечером получила приказ, а утром она снова велела зайти. Значит, ключ отдавать по-прежнему не хотела.

— У меня дети через двадцать минут, — напомнила я. — Они уже приходят.

Тамара Ивановна разгладила юбку на коленях.

— Алёна Сергеевна, ангар закрыт, — произнесла она монотонно, как заведенная пластинка. — Техника безопасности. Плюс... слухи. Жена полковника Кривцова просила меня лично отказать вам. Вы понимаете? «Неподобающее поведение». Для учительницы начальных классов это приговор.

Положила приказ перед ней. Папка у края чуть размокла — ладони вспотели ещё в коридоре. Сам лист был сухой, печать читалась хорошо.

— Помещение выделено для занятий. Приказ подписан вчера, Тамара Ивановна.

Она открыла папку, поправила очки, ещё раз посмотрела на подпись. Я вспомнила, как в прошлом году она подписала мне благодарность за подготовку детей к конкурсу. Тогда ей нравилась моя инициативность. Сейчас нравиться было необязательно. Мне нужно было получить ключ и начать вовремя.

— Там ещё проводка, — сказала она.

— Осмотр проведён. Замечания у Одинцова. Детей на занятии он сопровождает.

Сказала это и сама услышала, как ей неприятна фамилия майора. Её пальцы остановились на краю листа.

— Но... откуда у вас доступ к штабным документам? — прошептала она.

— Это не ваше дело, Тамара Ивановна. Ваша задача — дать ключ. Или я передам жалобу в военную прокуратуру вместе с копией этого приказа. Выбор за вами.

Она достала ключ из ящика и положила рядом с приказом. Я забрала, пока она не нашла ещё одну причину оставить его у себя.

Денис сидел впереди один. За его спиной сгрудились остальные — стульев хватало, но никто не хотел садиться рядом с ним. Тетрадь мальчик держал на коленях, край страницы был смят.

— Папаша-бездельник! — крикнули сзади.

Денис посмотрел на меня. Такое короткое движение: успела прийти или опять не услышала? Я положила сумку на стол.

— А его мамаша теперь гуляет с майором!

Эту фразу они явно принесли из дома. У меня перед глазами на секунду встало школьное крыльцо с Ингой. Уже открыла рот, чтобы накричать, но посмотрела на Дениса. Ему от моего крика рядом сидеть не начнут.

Взяла мел. Дети ещё перешёптывались, пока я чертила дорожку, канаву и два дерева. Потом нарисовала крестик возле дерева и спросила, где искать потерявшуюся группу. Кто-то сзади ответил неправильно. Артём тут же поправил его — и разговор наконец повернулся к доске.

— Кто хочет стать генералом, а кто останется пешкой? — спросила я, не оборачиваясь. Голос был ровным, без единой нотки дрожи. — Пешки ноют и жалуются друг на друга. Генералы решают задачи. Уберите свои грязные языки и посмотрите на карту. Здесь нет места для тех, кто прячется за спинами матерей.

Артём пересел ближе. Ему хотелось отвечать первым, поэтому он замахал рукой над головой соседа. Я придержала его ладонь: сейчас спрашиваю Дениса. Тот встал, подошёл к доске и указал на дорогу справа.

— Сначала сюда. Здесь видно дальше.

— А если темно?

Он подумал и передвинул палец к дереву. Я кивнула. С задней парты спросили, можно ли пойти второй группой. Вот теперь можно. Поставила возле правильного ответа маленькую галочку и отдала Денису мел, чтобы подписал место сбора.

— Денис, садись ко мне, — приказала я. — Ты первый. Остальные — маршем за мной.

Старый ангар встречал нас запахом плесени, старой смазкой и сыростью. Свет в окнах едва пробивался сквозь толстый слой пыли. Мы шли цепочкой, и я чувствовала спиной взгляд Руслана.

Он ждал у входа. Капитан Гаврилов, в идеально выправленной форме, с Ингой под руку. Инга хихикала, прикрывая рот ладонью, а Руслан держался так, будто он здесь хозяин жизни.

— Алёна, ты серьезно? — громко сказал он, чтобы слышали все дети. — Здесь небезопасно для хрупких дам. И для детей. Может, тебе лучше вернуться домой и... успокоиться?

Инга фыркнула.

Остановилась перед Русланом, чтобы дети не сбились с цепочки у двери. Он ждал, что я начну объяснять, кто разрешил мне занятия. Я заметила вылезший из шлёвки конец ремня. Маленькая, смешная деталь: так тщательно собирался прийти унижать меня — и не посмотрел вниз.

— Вы мешаете учебному процессу, товарищ капитан. Поправьте ремень или отойдите к дежурному.

Денис у меня за спиной кашлянул. Я очень надеялась, что он не засмеётся. Руслан дёрнул ремень — промахнулся мимо шлёвки. Инга взяла его за рукав.

— Пойдём. Ей нравится командовать.

Пропустила детей внутрь. Руслан остался у порога, и впервые за эти дни мне не пришлось уходить самой. Придержала дверь для последнего мальчика, дождалась его «спасибо» и закрыла её. Сразу после этого захотелось смеяться. Сдержалась: дети ещё смотрели.

Глава 5

Внутри было темно. Администраторша школы, женщина с вечно недовольным лицом, преградила нам путь.

— Сюда нельзя! Самовольное проникновение! Я вызываю охрану! — визжала она, размахивая руками.

Дети испуганно сжались. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Если сейчас придут военные патрули, всё закончится. Меня обвинят в нарушении дисциплины, кружок закроют, а слухи поползут дальше.

Из темноты угла вышел силуэт. Высокий, широкий в плечах. Захар Одинцов.

Захар включил фонарь. В светлом круге оказались дети и дверь, а администраторша замолчала на половине своей угрозы. Он кивнул мне на выключатель — можно включать верхний свет. Потянулась к нему, всё ещё ожидая, что она опять запретит.

— Майор Одинцов? — спросила она.

— Он самый. Что случилось?

Она посмотрела на ключ в моей руке и стала говорить про приказ директора. Я успела достать папку, но Одинцов остановил её жестом.

— Протокол осмотра территории заверен мной лично, — произнес Одинцов. В ангаре его голос отдавался под крышей; дети перестали шептаться и повернулись к нему. — Если есть вопросы — пишите рапорт мне. А сейчас идите пить чай, пока я не стал требовать объяснений по вашей должности.

Администраторша побледнела, бормоча извинения, и ретировалась.

Свет наконец загорелся. Денис потянул меня за рукав — спросил, где поставить тетрадь. Я указала на скамейку и всё-таки посмотрела на Захара. Он убирал фонарь; нос и подбородок уже не скрывались в темноте. Мне хотелось поблагодарить его, только при детях слова стали бы слишком официальными.

— Начинаем, — сказал он.

Кивнула и разложила карты. На первую очередь Артём опять тянул руку выше всех. Теперь его надо было занять, пока он не начал драться за место.

Первый практический урок начался хаотично. Дети, привыкшие к мягкости и потаканию, не слушали команд. Сынок майора, Артем, специально схватил раздаточный материал — старую топографическую карту — и с треском порвал её пополам.

— У нас дома такие карты в мусорке лежат! — крикнул он, хохоча.

Половина карты осталась у него в руке, другая упала на пол. Артём посмотрел на меня и ухмыльнулся. За ним тихо засмеялись двое. Можно было отправить его домой, но тогда он ушёл бы героем: сорвал занятие и ничего не сделал.

Я присела рядом. Подобрала обрывок и положила на скамейку, где уже лежал Денисов лист. Место сбора как раз осталось на порванном краю. Артём ещё держал свою половину, однако смеяться перестал: я ждала, пока отдаст её.

— Давай сюда.

Он не отдал. Я повернула свой обрывок и показала, где дорога продолжалась на его половине. Склеить надо вместе: скотч остался в сумке, а держать оба края одной рукой не получится.

— Здесь мы собираемся, если кто-то потеряется, — тихо сказала я, указывая на обрывок с красным кружком. — А тут дорога к выходу. Теперь товарищу надо угадывать, куда идти. Помоги мне восстановить карту, Артём.

Артём посмотрел на крестик, потом на кусок у себя в руке. Я придерживала край карты, чтобы он не свернулся. Через несколько секунд мальчик опустил свой обрывок точно рядом.

— Извините.

— Держи здесь. Денис, достань скотч.

Денис нашёл его в боковом кармане сумки и стал разматывать. Скотч лип к пальцам; Артём нетерпеливо потянулся помочь и чуть не сдвинул оба куска. Я успела прижать.

— Без спешки. Тут мы уже один раз всё потеряли.

Он засопел, но слушался. Остальные по очереди подносили кусочки, которые кто-то успел оторвать ещё. Когда закончили, Денис обвёл место сбора на восстановленной карте. Артём смотрел через его плечо и больше не мешал.

Резкий щелчок. Темнота обрушилась на нас внезапно. Пробки выбило? Саботаж? В полной темноте раздался визг, топот, столкновения тел.

— Тишина! Стройся!

Дети перестали метаться. В темноте я сделала шаг к ближайшему голосу и задела бетонный блок. Упала на колено, больно ударив локоть. Рука онемела; первым делом захотелось проверить, не упал ли кто-нибудь ещё.

Захар уже включил фонарь и направил его вниз.

— К стене. По одному. Алёна Сергеевна, сидите пока.

Он увидел меня раньше, чем я увидела собственные ноги. Денис стоял рядом, целый. Артём придерживал за плечо младшего мальчика. Я повторила команду, и они пошли вдоль света. Одинцов не торопил, просто считал их вслух. Потом загорелись аварийные лампы.

Я попробовала встать. Локоть отозвался так, что пришлось выдохнуть сквозь зубы. Захар подал мне руку, другую поставил рядом, страхуя. Я поднялась. Его пальцы оставались на запястье, хотя уже могла стоять сама. Посмотрела на них, затем на него. Он тоже заметил, что задержался.

— Сильно?

— Пройдёт.

— Это не ответ.

Не удержалась и улыбнулась. Он отпустил руку только после этого. При детях такое короткое «сильно?» почему-то значило больше, чем любое обещание защиты. Я опустила рукав на больное место и велела собирать карты: занятие сегодня закончим раньше.

Когда занятие закончилось и дети разошлись, во двор ангара въехал черный джип с красным флагом на крыле. Машина отца.

Сердце пропустило удар. Отец говорил, что вернётся завтра. Значит, командировку закончил раньше. Он вышел из машины, высокий, статный, в своей генеральской форме, которая всегда казалась мне скалой. Он смотрел на меня строго. Холодно.

За его спиной маячил силуэт Одинцова, который остался помочь мне закрыть ангар. Генерал Градов переводил взгляд с дочери на майора, затем обратно. Тишина была звенящей. Я открыла рот, чтобы оправдаться, сказать: «Папа, это не то, что ты думаешь...»

Но Одинцов сделал шаг вперед. Он не кланялся. Он не отвел взгляд. Он встал между мной и отцом, загораживая собой.

— Дети целы, занятие закончено, товарищ генерал, — произнёс Захар. — Свет погас, но дети выполнили команды. Ваша дочь удержала группу. По ангару я подготовлю замечания.

Отец замер. Я видела, как напряглись его мышцы. Он оценивал ситуацию. Мне хотелось, чтобы он спросил про локоть. Или хотя бы сказал, что рад меня видеть. Но он смотрел на Одинцова, и я так и не решилась подойти.

Молчание длилось вечность. А потом отец медленно снял фуражку. Достал платок, аккуратно протер козырек. Его руки не дрожали.

— Я заеду в штаб. Дома поговорим, — произнёс он тихо. — И без посторонних, Алёна.

Машина отъехала. Одинцов придержал дверь ангара, пока я проверяла, не забыли ли дети вещи. Домой идти больше не хотелось.

Глава 6

К вечеру дождь залил дорожку от школы до дома. Тяжёлые капли барабанили по кухонному подоконнику отцовского дома, выбивая ритм, от которого ныла голова. Я сидела на кухне, заваленная стопкой тетрадей из кружка «Юный стратег». Дети писали красиво, с нажимом, выводя буквы так, будто каждое слово — приказ. Мне нравилось, как Денис подписывал свои схемы: даже переправу через канаву отметил отдельной стрелкой. Ещё утром он боялся поднять глаза от парты.

Пальцы, испачканные чернилами, ныли: слишком крепко я держала ручку. Локоть после ангара тоже ещё болел. Поставила уцелевшую половинку фотографии из коробки к стене, лицом вниз. Сегодня хотелось проверить детские работы, а не рассматривать себя рядом с пустым краем снимка.

Звонок домофона заставил меня выронить ручку. Я вздрогнула, едва не порезавшись об острую кромку страницы. На экране монитора — помехи и силуэт. Не Руслан. Русланы звонят с визгом и угрозами. Этот стоял неподвижно. Высокий, в камуфляже, без зонта. За ним по дорожке бежала вода, и он отступил на сухую ступеньку. Захар Одинцов. Майор спецназа. Человек, который на полигоне вытащил меня из петли собственного отчаяния одной фразой: «Слёзы либо дома, либо в цель».

Я смотрела на его мокрое лицо, на капли, стекающие с бровей, и понимала: он промок насквозь, пока ждал у калитки. Неужели мне и дверь нельзя открыть без разрешения гарнизона? Папа задержался в штабе. Чайник был полон. Я сняла трубку.

Я нажала кнопку открытия. Калитка хлопнула, и через минуту на крыльце послышались шаги. Встала из-за стола, по пути убрав тетрадь с ближайшего стула.

Когда я открыла входную дверь, запах мокрой куртки и дождя ударил в нос сильнее любого парфюма. Захар не сказал ни слова. Просто снял ботинки, аккуратно поставил их рядом у порога, словно был в казарме, а не в доме женщины, которую весь гарнизон называет падшей.

— Проходи, — голос дрогнул. Я прочистила горло. — Чай есть. Остывший.

Он прошёл на кухню. Пространство сузилось. Пришлось сдвинуть тетради в стопку, чтобы ему было где поставить кружку. Захар отказался садиться на стул.

— По уставу не положено гостей за тетради усаживать, — буркнул он, но глаза его скользнули по моим рукам. Красным, испачканным синими чернилами.

На большом пальце у меня было синее пятно. Я попыталась стереть его о край тетради, заметила, что пачкаю бумагу, и спрятала руки под стол. Захар смотрел как раз на них.

— Не прячьте. Хорошие руки.

— Не отмываются, — сказала я.

— Они работают.

Я вытащила ладони обратно. Руслан с порога заставлял меня идти в ванную, если после школы оставался мел на рукавах. Даже «привет» говорил после. Этот стоял и ждал вторую кружку. Достала её из шкафа, сполоснула, налила оставшийся в заварнике чай и поставила рядом с его рукой.

Телефон завибрировал. Мария Ивановна из школы, с которой мы раньше делили печенье, спрашивала: «Тебя видели с ним у калитки. Папа знает?» Я прочитала дважды. Она ведь только утром здоровалась со мной, могла тогда спросить. А теперь, выходит, ей кто-то доложил.

Захар протянул ладонь к телефону. Я сама отдала аппарат; держать сообщение перед глазами больше не хотелось. Он положил его экраном вниз.

— Пусть привыкают. От чая никто ещё не умер.

— Зато подавился.

— Вы им его не наливали.

Хотела опять поднять телефон, написать объяснение, но в это время закипел чайник. Выключила газ. Пока возилась с крышкой, решила, что Мария Ивановна сегодня обойдётся без ответа. Мы ещё даже чай не пили, а меня уже требовали отчитаться. Захар наконец сел на освобождённый стул и подвинул стопку тетрадей, чтобы мне тоже хватило места.

— Расскажите мне про фиктивные командировки, — внезапно сказал Захар. Не вопрос, а констатация. Сидя напротив, он дождался, пока я подниму голову.

Я поставила чайник обратно. Какое отношение мой вечер имеет к командировкам?

— Я знаю, кто он, — сказала я. — Мне не нужны лекции о том, какой он подлец. Пять лет с ним жила.

Захар не спорил. Вытащил из-под своей кружки тетрадь и положил на стопку. На открытой странице был Денисов рисунок, я ещё не успела проверить подписи.

— Тогда вы лучше меня знаете, когда он уезжал. Мне нужны даты.

— Зачем?

— Чтобы проверить. Не вас.

Посмотрела на его руки. Пальцы лежали на столе, он не тянулся ни к моей тетради, ни к телефону.

— Он думает, ты слабая, потому что любила его, — сказал Захар. — А ты после всего идёшь на уроки и проверяешь тетради.

Я покосилась на ту, что открыта. Денис написал «переправа» с двумя ошибками. Перечеркнула лишнюю букву — легче было сначала сделать это, чем ответить Захару. Дома Руслан

никогда не спрашивал, что дети нарисовали и получилось ли занятие. «Опять со своей школой?» Иногда я сама начинала говорить тише, чтобы не раздражать его.

— Я не всё помню, — сказала наконец. — Даты есть в календаре.

— Когда сможете, посмотрите.

— А если отец спросит, о чём мы говорили?

— Расскажите.

Вот и всё. Ни условного знака, ни приказа молчать. Я взяла ручку, записала на полях, что надо достать календарь. Делать это прямо сейчас не хотелось. Мне нравилось, что он сидит напротив, и я ужасно злилась на себя за это.

— Подогрею чай, — пробормотала я, чтобы разрядить обстановку. Встала, потянулась за чайником. Локтем случайно задела край его кружки. Жидкость плеснула, капля остывшего чая попала ему на рукав камуфляжа.

— Простите!

Прижала салфетку к его рукаву. Он подвинул кружку, чтобы я не задела её опять. Ткань была плотная, сразу впитала каплю. Я всё промокала одно и то же место; Захар посмотрел на мою руку, потом поднял глаза.

— Уже сухо.

Мне пришлось отойти. Слишком близко стояла, видела маленькую родинку у уха. Ещё вчера не знала о нём ничего, кроме звания и фамилии, а теперь эта родинка почему-то мешала сосредоточиться на чайнике.

Он остался сидеть. Я поставила заварку между нами, но не налила — пальцы опять дрожали.

— Ты всё время говоришь «вы», — сказала я. — А на полигоне командовал «ты».

Захар поднял голову.

— На полигоне было срочно.

— Сейчас можно медленно.

Он тихо выдохнул, и я услышала, как скрипнул стул под его весом. Потом встал. Сразу стало видно, насколько тесно ему на нашей кухне.

— Мне пора. Патруль ждёт.

Прозвучало почти грубо. Но кружку он поставил на блюдце осторожно, не стукнув. Я смотрела, как его пальцы отпускают ручку. Хотелось задержать его ещё хоть вопросом про этот проклятый календарь. Не стала. Если хочет приходить — придёт сам.

Он надел куртку, застегнул её до подбородка. На столе осталась сложенная салфетка, которой он вытер руки после моего «приветствия». Я проводила его до двери. В коридоре было темно, свет кухни тянулся узкой полосой, отсекая нас друг от друга.

Захар остановился, положив руку на дверную ручку, но не открывая её. Он повернулся ко мне лицом. Полутень скрывала его черты, оставляя только контур челюсти и глаза, которые сверкали в темноте.

— Твой отец вернётся из штаба раньше, чем ты думаешь, Алёна Сергеевна, — сказал он тихо. Голос звучал предупреждением, но не злым. Заботливым. — И он будет зол. Будь готова. Не оправдывайся. Объясняй факты. Ты дочь генерала. Помни это.

От предупреждения стало холодно в животе. Папа заедет после штаба, увидит две чашки и спросит, кто приходил. Если ответчу неправильно — таким тоном, словно оправдываюсь, — он решит всё за меня ещё до конца фразы. Я уже слышала это в столовой по телефону.

Захар открыл дверь.

— Я всё ещё дочь генерала, — сказала я ему в спину. — Только генерала здесь сейчас нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.